

В тот же день император Ся издал высочайший указ: назначить Фан Синьтяня императорским искателем бессмертных. Ему поручалось прочесать всю страну в поисках чародеев и заклинателей, чья сила превосходила бы любые человеческие пределы. Двор всколыхнулся, зашептался, однако перечить жестокому правителю никто не осмелился — шкуры у всех были не казнённые.

Глубокой ночью старшая принцесса Ся Бин, накинув глухой дорожный плащ, тайно проскользнула в резиденцию верховного колдуна. Некогда Фан Синьтянь запугал её до полусмерти, вынудив отрекомендовать его императору. Так проходимец и заполучил место придворного чародея. С тех пор принцесса бывала здесь каждые несколько дней. И дело не только в безграничном доверии её отца к новоявленному лекарю-мистика. Куда страшнее было то, что император спал и видел, как бы выдать дочь замуж за своего фаворита, дабы намертво привязать того к престолу. Но у Ся Бин имелась и другая, куда более жуткая причина для визитов.

Миновав бесконечные крытые галереи, Ся Бин беспрепятственно добралась до уединённого заднего двора. Она толкнула резную наньмуэвскую дверь и увидела его. В комнате царил полумрак. Фан Синьтянь дремал на мягкой кушетке. Заслышав шорох шагов, он медленно приоткрыл веки, буравя гостью тяжёлым, нечитаемым взглядом.

Ся Бин опустилась на низкую скамью, высоко задрав подбородок — её тонкая белая шея напряглась, а во взгляде сквозило неприкрытое презрение. Фан Синьтянь бесшумно поднялся с кушетки, подошёл вплотную и стальными пальцами сжал её подбородок, заставляя смотреть на себя.

— Зачем пожаловала, принцесса? — проскрипел он своим привычным хриплым голосом.

Переборов липкий страх перед его бездонными, пугающими глазами, Ся Бин упрямо процедила:

— Твоё поручение выполнено. Я уговорила отца созвать в Столицу Ся всех колдунов и даосов с Континента Феникса и Единорога. Теперь твоя очередь. Отдай то, что обещал.

Пока она говорила, её нежная, холёная кожа вдруг пошла глубокими трещинами, словно пересохшая глина. В считанные секунды иссиня-чёрные локоны поблекли и подернулись мёртвой сединой. Почувствовав, как старость вновь заживо сжирает её тело, Ся Бин сдавленно пискнула, вырвалась из его хватки и судорожно замотала лицо тонким шёлковым шарфом. Её пальцы, мгновенно превратившиеся в сухие птичьи лапы, мелко дрожали, ощущая покрывшиеся морщинами щёки.

Ещё минуту назад Ся Бин была ослепительной красавицей, а теперь напоминала сморщенную, уродливую куклу, которую бросили в кипяток. Фан Синьтянь осклабился. Не спеша достав из широкого рукава алую пилюлю, он подошёл к скорчившейся принцессе и бесцеремонно впихнул лекарство ей в рот.

— Своё слово я держу, — мягко, почти ласково прошептал он, глядя, как она с трудом сглатывает. — Ты сослужила мне отличную службу, так с чего бы мне обманывать тебя? Вечная молодость — малая плата за преданность.

Чудодейственная сила пилюли подействовала мгновенно. Ся Бин с изумлением увидела, как её иссохшие руки вновь наливаются силой, а кожа разглаживается, становясь чище и белее прежнего — она словно светилась изнутри мягким жемчужным блеском. Но не успела принцесса издать вздох облегчения, как в голове у неё зашумело. Мысли спутались, краски мира вокруг померкли, обратившись в серую дымку. Тонкие пальцы с ярко-красным маникюром дёрнулись, сиюсь ухватиться за воздух, и бессильно упали вдоль тела.

Ся Бин застыла безвольной фарфоровой куклой. Фан Синьтянь достал из-за пазухи жёлтый бумажный талисман и резким жестом впечатал его прямо ей в грудь. Бумага мгновенно растворилась, уйдя под кожу. Спустя мгновение стеклянный взор принцессы прояснился, в глазах вспыхнул живой, но совершенно рабский блеск. Она склонила голову перед магом и тихо произнесла:

— Слушаю, господин.

Фан Синьтянь вернулся на кушетку и небрежно указал на изящную шкатулку с пилюлями, стоявшую на лакированном столике из грушевого дерева.

— Забери это и возвращайся во дворец. Ты знаешь, что делать с отцом.

Принцесса поклонилась и бесшумно выскользнула за дверь. Лицо Фан Синьтяня тут же потемнело. Ещё до её прихода он ощутил слабое колыхание ткани мироздания. Чутьё подсказывало: четыре части тела его истинного владыки уже обнаружены, но вот душа, некогда запечатанная в самом сердце, бесследно исчезла. Одно дело, если она окончательно рассеялась за века заточения. Но если её кто-то поглотил или подчинил... пиши пропало.хлопот тогда не оберёшься.

Он принялся медленно перекатывать в пальцах прозрачную сферу. Настоящая Драконья жемчужина. Сама по себе она была мертва и пуста — её древняя сущность давно улетучилась, оставив лишь призрачную стеклянную оболочку. Однако прямо сейчас жемчужина мелко вибрировала и слабо пульсировала призрачным сиянием, улавливая приближение родственной, до боли знакомой ауры.

Его взгляд ожесточился. Стоит собрать воедино все пять осколков расколотой души и соединить их с этой драконьей жемчужиной — и великий повелитель воспрянет ото сна, навсегда покинув бездну забвения.

С улицы донёсся едва слышный шорох. Фан Синьтянь глянул в окно: луна утонула в тяжёлых грозовых тучах, отбрасывая лишь блёклые, мертвенные отсветы. Посреди внутреннего двора высилась громоздкая каменная формация. На самом верху центрального гранитного столпа стоял силуэт. В скудных лучах света его тело казалось полупрозрачным, колеблющимся,

словно струйка дыма.

В один миг Фан Синьтянь соткался из воздуха прямо на каменной плите у подножия столпа.

— Какая мощь, — усмехнулся маг. — Истинная душа владыки даже в таком виде внушает трепет.

Тень на вершине столпа издала утробный, хриплый хохот, в котором не было ничего человеческого.

— А то как же! — донёсся сверху свистящий шёпот. — Кто бы думал, что жалкая драконья жемчужина умудрится обрести плоть? Забавно. Тем лучше для меня — не придётся искать другое тело для перерождения. Твоя шкура мне вполне подойдёт.

С этими словами призрак ринулся вниз. В незапамятные времена он был гордым сыном дракона, великим наследником древней крови. Пусть его разорвали на части и запечатали в вековых темницах — пресмыкаться перед собственной безделушкой он не собирался. К тому же, верни он себе сейчас жемчужину, зачем вообще возиться с освобождением изначального тела? С драконьей силой все три мира падут к его ногам!

Призрак обрушился на него ледяным вихрем. Фан Синьтянь даже не шелохнулся. Лишь презрительно хмыкнул:

— Глупец.

Пальцы его сплелись в запечатывающем жесте. Прозрачная сфера материализовалась в воздухе прямо перед лицом нападавшего и вспыхнула ослепительным светом. Душа дракона даже пикнуть не успела, как её затянуло в стеклянный плен мощным водоворотом духовной силы.

Фан Синьтянь поймал жемчужину и без колебаний проглотил её, после чего спрыгнул на землю. За сотню лет скитаний среди смертных он вернул себе едва ли треть прежнего могущества, но этого с лихвой хватало. Драконья душа могла быть сколь угодно грозной в эпоху богов, но после тысячелетий под гнётом печатей она превратилась в жалкий огрызок. Тягаться с ним на равных этот призрак просто не мог.

Оказавшись обратно в комнате, колдун нажал на скрытый рычаг под кушеткой — часть пола бесшумно отъехала в сторону, открывая проход в подземную обитель. На рассвете ему предстояло отбыть на Континент Феникса и Единорога, чтобы лично проверить успехи своего тёмного замысла, поэтому очистить и поглотить добычу нужно было прямо сейчас. Повезло, что первым к нему прилетел самый слабый осколок драконьей души — хвост. С остальными частями придётся повозиться куда серьезнее.

Девятихвостый лис Ху Цзюмин бесцельно провалялся в беспамятстве целых три дня. И виной тому были вовсе не раны, а чрезмерное усердие даоса Цзи Цина, который пичкал его целебными снадобьями без меры. В первый день пушистый комок едва не сгорел заживо, когда бушующая в его жилах энергия заставила вспыхнуть лисье пламя. Устав от непрекращающегося воя и метаний, Цзи Цин попросту запечатал несчастному зверю все пять чувств и забросил его в угол.

Снаружи лис казался мирно спящим, но внутри него бушевал настоящий ураган, ломая кости и перекручивая каналы ци. Когда Ху Цзюмин наконец очнулся от мерного покачивания повозки, во всём теле осталась лишь чудовищная ломота и слабость. Он лениво приоткрыл веки и тут же почувствовал на себе чей-то пристальный, пронзительный взгляд, который никак нельзя было проигнорировать.

Сквозь щели в рассохшихся досках фургона Ху Цзюмин разглядел всадника. На великолепном гнедом жеребце восседал мужчина в вызывающе-алых одеждах. Незнакомец обладал хищной, почти женственной красотой и заигрывающе улыбался, глядя на лиса сверху вниз.

"Это ещё кто такой? — озадаченно подумал Ху Цзюмин, захлопав ресницами. — Мы разве знакомы?"

Не успел лис сообразить, что к чему, как со спины потянулись длинные пальцы, бесцельно схватили его за шкурку и перетащили на другую половину сиденья. Голова после сна немилосердно кружилась. Ху Цзюмин инстинктивно вцепился когтями в рукав похитителя и только тогда разглядел своего обидчика.

Цзи Цин поймал недоумённый лисий взгляд и неловко кашлянул в кулак:

— Очнулся наконец. Счёт за потраченные золотые пилюли я тебе позже выставлю. Не надейся, что прощу долг.

Произнеся это, даос тут же мысленно обругал себя за мелочность. На самом деле он собирался спросить о самочувствии, но то, как лис едва открыв глаза принялся разглядывать постороннего хлыща за окном, откровенно задело его гордость. Цзи Цин бережно опустил пушистый комок на мягкую подушку и хмуро зыркнул наружу. Хуа Цин, всё так же покачиваясь в седле, одарил его победоносной, издевательской улыбкой.

Когда в заброшенном храме Свечной дракон наотрез отказался уходить, даос просто перестал его замечать. В конце концов, у него в руках находилась угасающая душа верховного бессмертного Чжун Куя, и медлить было нельзя. На рассвете следующего дня Цзи Цин погрузил бесчувственного лиса в повозку и, сверяясь с духовным компасом, направился к Южному морю. Жалея израненного зверя, он даже не поскупился на пару заклинаний комфорта, наколдовав внутри повозки несколько пышных бархатных подушек.

Повозка выглядела до неприличия убого, и Цзи Цин надеялся, что великому императору демонов Свечному дракону быстро надоест тащиться следом. Надежды не оправдались. Хуа

Цин действительно побрезговал садиться в развалюху, но зато невесть где раздобыл великолепного породистого скакуна и теперь с комфортом ехал рядом. За трое суток пути они не перемолвились и словом, старательно игнорируя присутствие друг друга после той памятной ссоры. Лишь сегодня, благодаря пробуждению лиса, их взгляды наконец встретились.

Устроившись на подушках, Ху Цзюмин обернулся пушистыми хвостами и затих, решив не делать лишних движений. С даоса станется разозлиться, а его скверный характер лис за время знакомства изучил досконально. Ладно уж, как истинный аристократ среди оборотней, он проявит великодушие и забудет обиды. В конце концов, после всех этих мытарств его истинная форма девятихвостого лиса восстановилась почти полностью. Теперь пробраться в Небесный чертог и стащить парочку золотых пилюль у Лаоцзюня будет делом пяти минут!

Размечтавшись о будущих набегах на божественные кладовые, лис вновь перевёл взгляд на попутчика. Красив, подлец, прямо как девица. С виду обычный смертный, но от него веет такой древней, подавляющей силой, что лапы невольно поджимаются.

"Неужели Цзи Цин нанял себе телохранителя? — хмыкнул про себя Ху Цзюмин. — Да нет, бред какой-то"

Хуа Цин заметил интерес к своей персоне и тут же расплылся в самой невинной, лучезарной улыбке.

— Проголодался, малыш? — ласково позвал он лиса через дощатую стену.

Слово «голоден» прозвучало как выстрел. Желудок лиса предательски заурчал. Из-за этого ненасытного брюха он чуть не лишился всех своих хвостов, но спорить с природой было глупо — жрать хотелось немилосердно. Ху Цзюмин потрогал лапой впалый живот. За сотни лет уединённого самосовершенствования он впервые опустился до столь жалкого состояния.

Он умоляюще уставился на даоса. Если бы Цзи Цин только знал, что лис сбежал из дома исключительно ради куска мяса и едва не сдох из-за собственной прожорливости, он бы, не задумываясь, выбросил этого недотёпу прямо на обочину.

Цзи Цин вздохнул, пошарил в мешке и выудил чёрственную, сухую лепёшку.

— Держи. Потерпи немного, через пару часов доберёмся до постоянного двора, там нормально поешь.

Лис покосился на безвкусный кусок теста и демонстративно отвернулся. Гордость великого оборотня не позволяла ему опускаться ниже ароматной лапши с зеленью. Какая ещё сухая лепёшка? Но едва он собрался оплакать свою горькую участь, как в щели между досками проник божественный, сводящий с ума аромат жареного мяса.

Ху Цзюмин мгновенно развернулся на запах. Прямо у края повозки покачивался лоснящийся жиром, зажаристый куриный окорочок. Голод затуманил лисий разум настолько, что кроме этой божественной голяшки он ничего не замечал.

Хуа Цин, довольный произведённым эффектом, дразняще помахал угощением перед носом зверя.

— Иди ко мне, — вкрадчиво пропел он. — Иди, и эта прелесть достанется тебе.

Забрать лиса силой у даоса для древнего дракона не составило бы труда. Но Свечной дракон не любил грубое принуждение. Куда приятнее было наблюдать, как желанная добыча сама, добровольно, запрыгивает к нему в руки. После гибели возлюбленного его прежний кроткий и покладистый нрав испарился без следа. Словно подтверждая древнюю истину о том, что крайности сходятся, великий владыка переродился в циничного, эгоистичного манипулятора, презирающего чужие чувства.

<http://bllate.org/book/20393/2167347>